

Моя
ЗА МОЕЙ СПИНОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Натализа Кофф

Натализа Кофф
Ты за моей спиной

«Автор»

2026

Кофф Н.

Ты за моей спиной / Н. Кофф — «Автор», 2026

Он смотрит на меня. Я замираю, потому что мне страшно. Но глаз не отвести. Он держит меня, изучает, рассматривает. Этот мужчина пугает меня до дрожи. Молчание затягивается. Нужно что-то сказать. Но я не могу. Язык точно прилипает к небу. — Надия Мухтаровна, вы обронули, — слышу его голос, меня словно парализовало страхом. Вижу его кривую усмешку. Мужчина вручает мне букет, тянет ладонь к моему лицу и убирает пряди волос, упавшие на глаза. Его руки все еще удерживают меня. Горячие пальцы твердо лежат на пояснице. Кожа горит от этого касания. И глаза. Они тоже обжигают. Но всего секунду. А после в потемневшем взгляде невозмутимость и лед. Какой ты настоящий, Белый? Это маска? А что под ней? ***

Содержание

Аннотация:	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Натализа Кофф

Ты за моей спиной

Аннотация:

Он смотрит на меня. Я замираю, потому что мне страшно. Но глаз не отвести. Он держит меня, изучает, рассматривает. Этот мужчина пугает меня до дрожи. Молчание затягивается. Нужно что-то сказать. Но я не могу. Язык точно прилипает к небу.

— Надия... Мухтаровна, вы обронули, — слышу его голос, меня словно парализовало страхом.

Вижу его кривую усмешку. Мужчина вручает мне букет, тянет ладонь к моему лицу и убирает пряди волос, упавшие на глаза.

Его руки все еще удерживают меня. Горячие пальцы твердо лежат на пояснице. Кожа горит от этого касания.

И глаза. Они тоже обжигают. Но всего секунду. А после в потемневшем взгляде невозмутимость и лед.

Какой ты настоящий, Белый? Это маска? А что под ней?

Теги: разница в возрасте, девственница, суровый и брутальный мужчина, одержимость, эмоционально и горячо

Глава 1

— Полина хочет, чтобы ты обязательно был, Белый. А ты ведь знаешь, что желание жены для меня закон.

Федор сдерживает первый порыв отказаться. Закуривает, слушая распоряжения шефа по телефону. Выпускает облачко сизого дыма. Смотрит в окно.

В нем — темнота. Глубокая ночь. Отсвет уличных фонарей. И его собственное уродливое отражение.

Кого он видит в нем? Лысый мужик под сорокет, бывший уголовник, хотя, бывших не существует.

Усмехается. Сейчас Белый никуда не поедет. И завтра тоже. У него, млять, отпуск. А семейное торжество — не про его честь. Слава и без Белого справится. Охраны в доме Архиповых тьма. Да и ребята подстрахуют. Не зря ведь Федя столько лет их кошмарит.

— У меня отпуск, — напоминает Федор, вновь впуская никотин в легкие.

— Возьмешь пару дней взамен, — предлагает Слава. Фоном слышатся женские голоса, смех, и очень близко голос Полины.

— Федор, у тебя час на сборы. После отправлю за тобой Геру! — угроза жены друга и шефа звучит смешно и наивно. Гера пока еще щенок. Белый его одним взглядом усмирит.

Усмехается. Нет, нельзя соглашаться. Не стоит оно того. Не нужно Белому торчать в доме, когда и *она* там. Ничего путного не выйдет.

— Полтора, Полина Владиславовна, — ставит свое условие Федор.

— Час, Федя! — не уступает ему Полина.

Вздыхает. И как Слава умудряется не ругаться с ней? Вредная девчонка. Но к избраннице давнего друга Белявский относится с огромной симпатией. Белый улыбается, потому что кроме отражения в комнате никого нет, можно не прятать эмоции.

— Суровая ты женщина, Полина Владиславовна, — говорит с усмешкой, тушит сигарету.

— Федя! — уже в последний момент, когда Белый собирается сбросить вызов. — Забери Надию, пожалуйста. Если тебе по пути, конечно.

Нет-нет, Поля. Так не годится.

— Откуда? — говорит прежде, чем думает.

Кулак сжимается и упирается в подоконник рядом с пепельницей. Закрывает глаза. Вдох-выдох.

— Она задержалась после пар. Там что-то с курсовой у нее, — подсказывает Полина.

Белявский кивает. Запоздало понимает, что по телефону не видно.

— Сделаю, — коротко отчитывается Белый и сбрасывает вызов.

Обводит невидящим взглядом кухню. Гора бутылок в мусорном мешке. Куча пустых сигаретных пачек. А в отражении все тот же лысый урод, каким Белый себя считает.

Он дает слово. Значит, сделает.

Приводит себя в порядок. Ледяной душ. Свежая рубашка, рабочий костюм. Привычным грузом — «ствол» в кобуре. По долгу службы полагается. Федя уже сроднился с ним.

Покидает квартиру, захлопнув двери. Жилье Белый приобретает сравнительно недавно, а потому все здесь не обжито, пусть хата и упакована под ключ.

Белый легко сбегает по лестнице, доходит до парковки, садится в тачку. Движок внедорожника привычно урчит, как котенок, успокаивая.

Нет, ни хрена. Покой Белому уже даже не снится. Он и спать толком перестал. Месяца два, точно. С того дня, как... Да и похрен! Похрен на все!

Дорога до универа девчонки занимает десять минут. Белый это четко знает. Маршрут знаком вплоть до сантиметров.

Федор хмурится. Какого хрена она делает здесь поздним вечером?
Под ребрами щемит. Надо бросать курить.
Хотя нет, тут другое. И это уже не бросить. Не вырвать из мыслей.
Белый легко взбегаёт по лестнице. Рывком распахивает дверь здания.
Вахтер и охранник смотрят на него настороженно.
Федор безошибочно называет имя и группу студентки. Фамилию куратора. Кабинет.
Он все знает о ней, где учится, где живет, где завтракает и ужинает.
— Да вроде нет там никого, — удивленно пожимает плечами вахтер.
— Проверим? — давит взглядом Белый, усмехается.
Ну же, возрази. Дай повод. Федя с удовольствием все объяснит и разложит по полочкам.
И пушка не пригодится. Так, кулаков хватит.
— Да, конечно, — кивает вахтер, — Михалыч, проводи.
Белый идет вперед. Дорогу знает.
Поднимается по лестнице на третий этаж.
Приоткрытая дверь аудитории настораживает. Федор расстегивает пиджак. Так удобнее.
В случае чего, ствол под рукой.
Из кабинета доносятся приглушенные голоса. Мужской настойчивый.
И ее — дрогнувший, неуверенный... испуганный?
Нутро Белого топит яростью и звериной злобой. Кто посмел, сука?!
Рывком распахивает дверь. Молча скользит тяжелым взглядом по лицам. Спотыкается.
Глаза в глаза.
Кулак сжимается до хруста. Белый видит облегчение во взоре девочки. Видит, как с силой она прижимает папку к груди. Как пальцы вцепились в рюкзак на коленях.
Перепугали *его* девочку.
— Полина Владиславовна велела забрать, — спокойно говорит он, но голос звучит жестко.
Девочка кивает, подскакивает на ноги.
— Д-до свидания, Олег Петрович, — лопочет она и пулей вылетает из кабинета.
В последнее мгновение Белый ловит ее за локоть. Всовывает ключ от тачки в ледяные пальцы.
Прикосновение обжигает. Но оно нужно Белому. Чтобы не сорваться. Потому что вон тот урод, что сидит на стуле прямо, уже, считай, труп.
— Не нужно, — шепчет испуганно, хватая его пальцы, будто пытается удержать, потянуть за собой.
Белый трясет головой.
— Иди, — командует и кивает в сторону лестницы, ведущей на первый этаж.
— Федор Львович, не нужно, — упрямо поджимает губки и качает головой.
Белый усмехается. Львович? Она и отчество его знает. Надо же.
Твердой рукой он подталкивает девочку из аудитории. Следит за тем, как она уходит вместе с охранником.
Знает, паскуда, что и к нему у Белого есть претензии? Ничего, и с ним Федя поговорит по душам.
Закрывает за собой двери. Тяжелый взгляд замирает на мудаке.
— А вы, собственно, кто? — пытается начать разговор гнида.
— Твоя совесть, млять, — усмехается Белый.

Меня все еще трясет. Телефон разряжается не вовремя. Все, что успеваю: скинуть сообщение Полинке. Отцу не рискую. Олега Петровича папка убьет.
В какой-то момент понимаю, что если не сбегу, то будет поздно.

— Олег Петрович, мне правда нужно домой, — упрямо повторяю я, глядя профессору в глаза.

— Надиюшенька, душа моя, ну куда же вы так торопитесь? — усмехается он и скользит по мне раздевающим сальным взглядом.

Я в сотый раз жалею, что надела сегодня юбку. Просто знала, что сразу после занятий поеду к Архиповым. И хотелось выглядеть нарядно.

От похабных глаз препода нечем прикрыться. Только папка с курсовой, пропади она пропадом!

Зачетка все еще лежит на столе перед Олегом Петровичем. Чертов старикан делает вид, что раздумывает, размышляет, задает вопросы по теме, я легко отвечаю на каждый.

Понимаю, что он никогда не поставит мне оценку ту, что хочу. Но я не собираюсь сдаваться. Да и черт с ней, с пятеркой. Лучше пересдача, чем терпеть на себе намеки профессора.

Я уже собираюсь встать. Но дверь внезапно распахивается, едва ли не с треском.

Проем заслоняет крупная мужская фигура. Понимаю, что выражение ледяной ярости на лице этого человека может довести до сердечного приступа любого.

Но не меня.

Я не могу скрыть облегчения от того, что вижу Белого. Сейчас. Здесь.

Еще вчера я боялась посмотреть в его сторону. Этот мужчина казался мне дьяволом, пугающим и ужасным.

Но не сейчас.

Смотрю на него. В голове стучит одна лишь мысль: Белый спасет меня.

— Полина Владиславовна велела забрать, — его голос режет нервы.

Киваю, взлетаю со стула, заикаясь, прощаюсь с преподавателем.

Пытаюсь проскочить мимо Федора Львовича. Его не скрытая агрессия направлена не на меня, но даже мне становится не по себе.

Белявский ловит мою руку. Сжимает. Не сразу понимаю, что ключ от машины оказывается зажатым в моей ладони. Мужские пальцы согревают, дарят уверенность.

Понимаю одно: если ключи Белый отдает мне, то планирует задержаться.

— Не нужно, — пытаюсь утянуть мужчину за собой. Профессор уважаемый человек, кандидат наук. Кто поверит, что он принуждал какую-то студентку?

— Иди, — жестко приказывает Федор Белый.

— Федор Львович, не нужно, — упрямо качаю головой, в ответ ледяной колючий взгляд.

Я сдаюсь. Где-то очень глубоко ликует уязвленная гордость. Да и черт с этим профессором. Переведусь в другой вуз. Главное придумать, как мой перевод объяснить отцу.

Спускаюсь по лестнице. Охранник и вахтер за моей спиной о чем-то шушукуются.

А вдруг вызовут полицию?

Прикусив губу, лечу в машину.

Черный громадный внедорожник красуется на парковке прямо у ступеней. Водитель бросил его, наплевав на разметку и правила.

Сажусь в теплый салон. Лето, но мне очень холодно. Знобит. Пытаюсь понять, что сделать дальше. Помочь Белому? Позвонить Полине? Отцу? Шамилю?

Хватаю в руки разряженный телефон. Черт! Зарядное устройство должно же быть в машине.

Лихорадочно пытаюсь отыскать его в бардачке. Да так и замираю, увидев через лобовое стекло высокую мужскую фигуру.

Белый невозмутимо садится за руль. Отбирает у меня мобильник, подключает кабель.

Вижу, как гаджет оживает, загорается индикатор зарядки.

— Поздравляю с закрытием сессии, — усмехается Белый и вручает мне зачетку.

— Спасибо... — ошарашенно говорю и добавляю: — Федор Львович.

— Белый, — глухо исправляет, запускает двигатель, смотрит по сторонам.

Меня впечатывает в кресло. Автомобиль срывается с места.

— Не хорошо как-то, по прозвищу, — осторожно возражаю я.

— Пойдет. Я привычный, — усмехается он.

Вижу, как изгибается уголок рта. Понимаю, что слишком откровенно пялюсь на Белого. Вспыхиваю. Отворачиваюсь к окну.

Понимаю, что должна сказать этому мужчине что-то еще, но мысли утекают из головы.

Ах, да...

— Вы же не расскажете отцу? Он убьет Олега Петровича, — прошу я, вновь повернувшись к водителю.

Белый молчит. Взгляд безразличный, направлен на дорогу.

— Нет, — наконец, качает головой Федор, — есть еще мудаки в преподавательском составе?

— Не знаю, — искренне пожимаю плечом, — кажется, нет.

Судорожно перебираю имена. Нет, такой Олег Петрович только один. Но на пятом курсе есть Игорь Смычкин. Уже год не дает мне прохода. Да и черт с ним, разберусь сама.

— Подробнее, — требует Белый так, словно читает мои мысли.

Трясу головой. Нет, Смычкина трогать нельзя. У него отец — генеральный прокурор области.

— Надия ...Мухтаровна! — нетерпеливо рычит он, поторапливая. А я слышу легкую заминку.

Белый всегда обращается по имени и отчеству. Ко всем, будь то Полина, моя мама, или горничная Архиповых.

— Я сказала, что больше никого нет! — с нажимом, сама не зная, откуда столько храбрости, говорю я.

Белый усмехается. Бросает на меня странный взгляд черных глаз. Отворачивается.

Едем в машине в полной тишине. До особняка Архиповых еще полчаса. А я не могу отвлечься. До телефона не дотянуться. Мой мобильник лежит прямо под рукой Белого. И просто так, не коснувшись мужчины, взять гаджет не получится.

Отворачиваюсь к окну, но прежде замечаю, какие крупные ладони у Федора. Смуглая кожа, слегка сбитые костяшки на правой руке.

— Стойте! — роняю я.

Автомобиль послушно тормозит, вильнув вправо.

Белый смотрит на меня, угрюмо, даже зло.

— Что на этот раз? — рычит он.

— Надо обработать, — киваю на его ладонь.

Белый морщится, оттирает костяшки о ткань брюк на бедре.

Я перехватываю его запястье. Мои пальцы с трудом удерживают крепкий и мощный кулак. В сравнении с моей, его ладонь просто огромная.

Выхватываю влажные салфетки и антисептик из рюкзака.

— Никуда не поедем, пока не обработаю! — ставлю условие, он смотрит на меня через прищур глаз и все же сдается.

Белый не двигается и молчит, пока я наношу спрей на раны. Стираю следы крови салфеткой.

— Вы его очень сильно побили? — уточняю я, вскинув на мужчину глаза.

На секунду мне кажется, что он смотрит на мои губы.

— Выживет, — роняет он и отворачивается.

Убираю салфетки обратно в рюкзак. Мы вновь срываемся с места. Так и едем в полном молчании и тишине до самого дома.

Уже выйдя из автомобиля, оборачиваюсь к Белому. Ловлю на себе его взгляд.

Мужчина застывает, сидя за рулем. В поднятой к лицу руке зажигалка. Во рту зажата сигарета.

Он не закуривает. Смотрит на меня через стекло и пространство.

Почему мне кажется, что его странный взгляд охватывает меня всю, с ног, до головы?

Но от этого взгляда не страшно и не противно. Наоборот.

За спиной распахивается дверь особняка. Меня уже ждут, зовут. Но я не могу сделать шага. Стою, словно меня держат глаза Белого.

Ватные ноги, непослушные.

Трясу головой, пытаюсь сбросить наваждение.

Ерунда какая-то. Я все придумала. Я ведь совсем не интересна Федору Белявскому. Он вдвое старше. Он занятой человек. Он личный помощник и телохранитель целого губернатора области. А я всего лишь студентка, зубрилка, отличница и серая мышь.

Поправив очки, разворачиваюсь и убегаю. Кажется, что затылок сверлит тяжелый взгляд.

Но нет, это только мое воображение.

Глава 2

— Можно пригласить вас на танец, Федор Львович?

Белый не сразу понимает ее слова. Он тянет уже которую сигарету из пачки. Пятую? Десятую? Похрен.

Просто нужно занять чем-то руки. Отвлечься. Не смотреть на девчонку, которая порхает по саду Архиповых. Смеется. Улыбается, не ему.

Как назло, никаких происшествий. Охрана работает, как швейцарские часы. А у Белого в башке — китайские, напрочь переломанные.

Девочка смотрит на него, прямо в глаза. Под ребрами невыносимо колет. Тянет она из него жилы? Да, тянет. Глазищами своими карими. Носом курносым. Длинными пальцами.

— Нет, Надия Мухтаровна, идите к гостям, — наступает на глотку своим желанием.

Отворачивается. Знает, что там, в карих глазах, разочарование и капля обиды. Не нравятся девочки отказ.

Но так правильной, так нужно.

Белый перехватывает тяжелый взгляд Варгинова. Мудрый мужик. Белый зауважал Мухтара с первого знакомства. Друг Глеба Алексеевича разбирается в людях. И сомнений у Белого нет. Будет нужно, любого утрамбует в землю. А за младшую дочь — особенно.

Федор уходит из сада под предлогом осмотра территории. Парни уже давно отчитались. Все спокойно, как в музее после закрытия. Зря Белый поддался уговорам Полины. Нужно было дома торчать. Хреновая затея.

Белый тормозит на парковке. Любимый джип сверкает лаковым боком. Федя дергает дверь, роется в бардачке в поисках новой пачки сигарет.

В салоне витает едва уловимый запах цветочных духов. На автопилоте Белый тянет воздух глубже.

Он скоро двинется крышей. Нет, уже двинулся.

Растирает ладонью фейс. Мелькает мысль, что надо сваливать, пока его не накрыло. Федя уже держится с трудом. От запаха девчонки его уже кроет.

Взгляд бездумно прыгает по салону. Аромат девочки не вытравить. Но что-то сделать нужно. Бабу трахнуть. Прямо здесь, в этом кресле, где сидела Надия. Полегчает? Не факт, но хоть чуток отпустит.

Белый уже собирается хлопнуть дверью и рвануть тачку в город. За пару часов никто его не хватится.

И потом, так нужно. Иначе его и дальше будет крыть от одного взгляда на девчонку.

— Я забыла у вас в машине мой рюкзак, — раздается очень близко голос девочки.

Федя крепко зажмуривается.

Ну что ж ты вытворяешь, родная? Не видишь, как хуево сейчас? Не замечаешь?

Белый очень медленно разворачивает слюду на сигаретной пачке. Деревянные руки. Непослушные, как кувалды. И пачка не сразу поддается.

— Я заберу, ладно? — продолжает говорить малышка.

Федю хватило на то, чтобы неопределенно пожать плечом. Делай, что хочешь. Хуже уже просто некуда.

Повернув голову, он смотрит, как девчонка садится в машину. Рюкзак на заднем диване. Через зеркало Белый видит его отражение. Розовый, яркий, с кучей брелоков.

Сигарета странным образом все же оказывается зажатой между зубов. Федя ныряет пальцами в карман брюк за зажигалкой.

— Фильтр не той стороной, — негромко говорит девчонка.

Белый не сразу догоняет, о чем она вообще. Все силы уходят на то, чтобы держать клешни при себе. Тянет прикоснуться к девчонке. Так сильно тянет, что Федя боится сделать вдох.

Видит, как Надия обхватывает пальцами сигарету, зажатую у него во рту. Да, точно, фильтр не той стороной. Охуеть, как весело.

Она улыбается. Глаза блестят. Румянец на щеках.

Он видел, как девочка пила шампанское. Должно быть, алкоголь ударил в голову.

— Можно мне тоже? — косит взгляд на зажатую между пальцев сигарету.

— Чего?! — рычит Белый на весь салон и припечатывает: — Нет!

Видит, как надувается в обиде пухлый ротик.

— Я просто попробовать, — не перестает издеваться над ним. А он без капли алкоголя в крови уже пьяный от нее. От запаха. От дерзкого взгляда. От ее наряда. И зачем переделась? Так только хуже.

Нет, платье идет Надие. Просто Белый и без того едва дышит, глядя на эту красоту. На девочку.

— Кыш из машины! — рычит он.

Слышит, как она вздыхает. Хлопает дверью.

Белый сидит, заставляя мышцы расслабиться. Не позволяя телу побежать за ней.

Это какой-то ад. Персональный ад Белого. За все грехи, что он сотворил. За все, что сделал в прошлом. Ему послали вот такое наказание. С карими глазами. Девочку, которую ему не видать, как собственных ушей.

Он смотрит ей вслед. Вспоминает все, что было до этого дня.

Он увидел ее впервые в доме Архиповых, здесь же, в саду. День рождения дочери Влада Романовича. Вся семья в сборе. Пока Слава чудил с именинницей, Белый сканировал гостей.

Взгляд девочки зацепил. Она смотрела на него, точно на циркового уродца. Тогда Федя лишь усмехнулся, хотел напугать.

Та встреча забылась. Но после были еще и еще. По итогу Белый уже не обращает внимание на нее. Кто она? Просто красивая девочка из клана Архиповых. Подружка Полины. Не до нее Феде. Дел у него хватает.

Все это брехня. Каждая встреча с девочкой — как ударом под дых.

Завтра у шефа свадьба, а сегодня что-то типа репетиции, потому что от девичника Полина отказалась, и мальчишник обломался. Впрочем, Белый не лез со своим ценным мнением. Его дело — безопасность четы Барновских.

Больше Федя не выйдет в сад. И в дом не зайдет. Поторчит на парковке, с пацанами пообщается, ноги разомнет.

После, когда вечеринку свернули, Федя замечает, что рюкзак девчонки так и лежит на заднем сиденье в его тачке.

Белый — чокнутый придурок. Иначе не объяснить того, что он лезет в рюкзак. Смотрит, что внутри. Перебирает каждую вещь.

Долбаный фетешист.

У девочки аккуратный и красивый почерк. Круглые идеально ровные буквы.

Федя ведет пальцем, повторяя строчки. Содержание строк проносится мимо сознания Белого.

Возвращает тетради на место. Нужно отнести рюкзак в дом. Утром Надия просто возьмет его. Заберет с собой.

Белый трясет головой. Хрен там. Не отдаст. Сама оставила, пусть сама и забирает из машины.

Свадьба Полинки самое яркое событие за последние два месяца. Вся семья радуется. Поля счастлива. Сегодня она самая красивая в белом платье, укутанная фатой, вся светится от ярких эмоций.

Жених ей под стать. Высокий, широкоплечий, а взгляд неотрывно следит за невестой. В нем сполна хватает нежности и любви к Поле.

Удивительно гармоничная и красивая пара. Я очень рада за подругу, но не могу ничего толком сказать.

Кажется, что тяжелый черный взгляд преследует меня весь день. Но стоит повернуться, понимаю, что это все мое воображение. Федор Львович игнорирует меня. Разговаривает со знакомыми Славы. Внимательно слушает переговоры охраны через наушник. Отдает какие-то распоряжения.

Ему нет никакого дела до меня.

Что на меня вчера нашло? Зачем поперлась к нему в машину? За рюкзаком могла отправить кого-то из охраны. Да даже Шамяля бы попросила. Брат с радостью помог бы, это я знаю.

Дура я! Набитая и глупая дура!

Время близится к полуночи. Торжество подходит к завершению. По программе — невеста должна бросить букет.

Из незамужних девушек: я, Алина и еще несколько дочек важных гостей.

Букет летит прямо в меня. Увернуться не выйдет. Глупая традиция. Бесполезная, на мой взгляд.

По саду проносится хор голосов. Машу букетом, показывая, как я якобы рада такому повороту.

Нет. Совсем не рада. Замуж я не хочу. Да и не за кого. У меня и парня нет. И не было никогда.

Растягиваю губы в улыбке. Смотрю на Полину, завидую ее счастью. Нет, ничего плохого, по-хорошему завидую. Радуюсь за нее.

Слава, ее муж, подхватывает Полину на руки. Под громкие крики одобрения и смех, Барновский уносит Полю со свадьбы.

Теперь они уедут всего на неделю. Больше — не получится. У Славы только-только прошли выборы. Он победил. И теперь в нашем клане есть целый губернатор. Как-то мы с девочками смеялись, что мне полагается отхватить министра. Для полного комплекта. А я...

Я смотрю на широкую спину и бритый затылок. Белый уходит, бросая команды своим подчиненным.

Уже у самых ворот он оборачивается. Точно привязанная, я делаю два шага вперед.

Он отворачивается. Уходит. Не замечает меня.

Мне дико обидно. Но плакать нельзя. Макияж потечет.

Да и черт с ним, с этим Федором Львовичем!

Я слышу, как веселятся гости. Остались только самые близкие, самые родные. Но туда я не хочу. Мне нужна минутка тишины.

Снимаю очки. Запрокидываю голову, смотрю в небо.

Ничего не видно. Только темное полотно. Но все равно красиво. Кажется, у Белого цвет глаз такой же. Не просто черный, а с синевой.

Нет, что-то со мной не то. Он же жуткий и страшный тип. И шрам этот... Он ведь самый настоящий бандит. Я это знаю.

Внезапно мой каблук попадает в край тропинки. Я оступаюсь, едва не падаю.

Сама не замечаю, как так вышло. Я стою в тени, вдали от гостей и семьи. Букет выпадает из рук. Как и очки. Пытаюсь ухватиться за опору, чтобы сохранить равновесие.

Тщетно. Я смиряюсь с тем, что уткнусь носом в живую изгородь.

Однако крепкие руки подхватывают меня, почти отрывают от земли.

Белый смотрит на меня. Я замираю, потому что мне страшно. Но глаз не отвести. Он держит меня, изучает, рассматривает. Этот мужчина пугает меня до дрожи. Молчание затягивается. Нужно что-то сказать. Но я не могу. Язык точно прилипает к небу.

— Надия... Мухтаровна, вы обронули, — слышу его голос, меня словно парализовало страхом.

Вижу его кривую усмешку. Мужчина тянет ладонь к моему лицу и убирает пряди волос, упавшие на глаза.

Его руки все еще удерживают меня. Горячие пальцы твердо лежат на пояснице. Кожа горит от этого касания.

И глаза. Они тоже обжигают. Но всего секунду. А после в потемневшем взгляде невозмутимость и лед.

Какой ты настоящий, Белый? Это маска? А что под ней?

Тяну руку к лицу. Вижу, как Федор дергается назад, уходит от контакта.

Но мне интересно. Любопытно. Колючий ли подбородок? Щетины не видно. Но Федор смуглый от рождения, даже после бритья подбородок будет колоться.

У отца так. В детстве мне нравилось, когда папа щекотал меня щетиной. Я смеялась.

Сейчас — не до смеха.

Мои пальцы скользят по твердому подбородку. Сжатым губам.

Белый перехватывает мое запястье. Сжимает.

— Не нужно, — цедит он.

Рывком убираю пальцы дальше. Сжимаю ладонь в кулак. Кончики покалывает от ощущения прикосновения к горячей коже.

Я с трудом отвожу взгляд. Хочется плакать. Потому что кажется, будто Белый меня сейчас ненавидит. Почему? Я ведь ничего не сделала!

— Пустите! — шепчу я. Он послушно разжимает руки.

Вижу, как он уходит, чеканя шаг. Отворачиваюсь. Прячусь в огромном доме. В своей комнате. Родные меня поймут. Сегодня был сложный день. Все устали. И я устала.

Глава 3

Белый смотрит в окно. Какая сигарета по счету? Сбился.

Тачка припаркована у входа, но так, чтобы не попадаться на глаза. Через окно-витрину четко просматриваются столики. На улице уже стемнело. В зале ресторана — яркий свет. Федя может торчать здесь вечность, или столько времени, сколько понадобится.

Девочка поправляет очки. Хмурится. Смотрит на экран ноутбука.

Федя устраивается удобнее, упирается затылком в подголовник.

Глаз не отвести, какая эта девочка красивая.

А он — ебанный сталкер, иначе не скажешь.

Уже две недели Федя мотается по городу. У него отпуск. Можно взять, да свалить на острова, на море, да даже к матушке в деревню. Но нет, Белый таскается за девочкой, как ударенный кирпичом по затылку.

Он знает ее расписание. Знает, с кем, где и во сколько встречается. Знает, что заказывает на обед. Во сколько просыпается. Знает, что спит она одна.

Так бы Федю унесло в край, окажись у Надии какой-нибудь хахаль. Ноги бы вырвал и в жопу вставил.

Надо что-то решать. Думать надо.

Отпустить. Все равно же не выйдет ничего путного. Даже мечтать не стоит.

Федя мотает головой. Отвинчивает крышку с бутылки с водой. Пару глотков, крышку на место, а прохладное стекло прижимает ко лбу.

Черт! Ему же тридцать четыре. Сколько у него баб было? Всех не упомнить. В молодости накуралесил так, что вспомнить тошно. Чего ж его так повернуло на девочке?

Переломным моментом в своей биографии Белый считает ту ночь, когда Слава забрал пьяную Полину из ночного клуба. Тогда отношения друга с Полиной Владиславовной только набирали обороты, не все было гладко. И Архипова вырубилась еще в заведении. Пьяные подружки тоже особо ничего не понимали. Феде пришлось развозить девчонок по домам. Вернее, Алину Мухтаровну он перепоручил парням. А вот Надию повез сам.

Сейчас все кажется Феде понятным. А тогда, сидя в машине и рассматривая девочку, Белый был не готов к такому повороту.

Вздыхая, Федя ловит в памяти ту ночь. Девочка смешно сопит, уронив руки на колени. Очки в тонкой оправе сползают на самый кончик носа. Кажется, вот-вот упадут.

Федя перехватывает их, снимает, попутно случайно касаясь щеки.

Белого сражает этот контраст: ощущение бархата кожи под грубыми пальцами. Он не верит, что такое вообще бывает. Странное ощущение.

Наверное, просто кажется.

И Федя уже чуть настойчивее гладит девочку костяшками пальцев по щеке. Легко скользит к подбородку, по тонкой шейке, тормозит у ворота блузки, над верхней пуговицей.

Взгляд жадно прилипает к полупрозрачной ткани. Там, под ней, Федя умудряется рассмотреть кружево белья. Кажется, даже острый соблазнительный сосок виден.

Федя трясет головой, точно пес. Наваждение какое-то, млять. Он заводится на полную, касаясь малышки всего лишь раз.

Он же сорвется сейчас!

Потому Белый не рискует. Вызванивает пацанов. Велит доставить девочку к отцу. Сам не едет. Списывает инцидент на усталость, и всю задницу, что творится сейчас с делами Барновского. Ведь сам Белый принимает крайне активное участие в них.

Как же! Усталость, млять! Он хочет еще разок увидеть Надию Варгинову. И это желание, как цунами, неостановимо.

Федя вздыхает. Возвращается из мыслей в настоящее, переводит взгляд на окна ресторана.

— Твою ж мать! — рычит и срывается с места.

Мы с девочками с потока договариваемся встретиться в уютном ресторанчике. Прихожу раньше всех. И ведь настроение совсем не праздничное. Но дома торчать уже надоедает.

Достаю ноутбук из рюкзака. Другого. Тот, розовый с конспектами Белый мне так и не возвращает. И плевать! Сессия закончилась. Тетрадки уже не нужны.

Вздыхаю. Думаю, что почитать, когда вернусь домой. Бесцельно брожу по сети.

— Так вот ты какая, цыпа, — доносится голос сверху, а рядом со мной на диван бесцеремонно устраивается какой-то незнакомец.

Я не знаю его. На вид — лет двадцать-двадцать пять. Молодой мужчина вызывает мерзкие ощущения. Не человек, а быдло какое-то, бандит.

Отодвигаюсь подальше от него, забиваюсь в самый дальний угол. Пытаюсь проскользнуть по дивану так, чтобы протиснуться на смежное сиденье и встать из-за столика.

— Куда ты, киса? — подмигивает он, скользит по мне сальным, скользким взглядом.

В руках незнакомца вижу нож-бабочку. Становится страшно. Парень небрежно поигрывает лезвием. То порхает в его пальцах.

— Простите, мне уже пора, — пытаюсь подняться я, но парень оказывается быстрее.

Сильной рукой перехватывает мою кисть. Тянет к себе, словно тряпичную куклу. Сжимает до боли. До хруста. Запястье обдаёт огнем.

Перед глазами становится темно. Я вскрикиваю. Слезы мешают смотреть. Пытаюсь отводить руку обратно.

Оглядываюсь, на случай, если рядом есть охрана или персонал ресторана. Но как назло, пусто. Им не до меня. Со стороны, скорее всего, кажется, будто этот урод — со мной. Хотя я его вижу впервые в жизни.

И вдруг моя рука оказывается на свободе. Слышу звук удара, хлюпанье, стон.

Сморгнув слезы, резко поворачиваюсь. Вижу, как над моим «другом» стоит Белый.

Боже мой! Сейчас я очень рада его появлению. Выражение его лица напоминает оскал хищника. Но мне совсем не страшно.

Мужчина с силой давит ладонью на затылок парню, вжимая того мордой в стол.

Тяжелый взгляд Федора замирает на моем запястье. Я неосознанно прижимаю то к груди, обхватив правой рукой.

Тянущая боль простреливает пальцы. Но я, закусив губу, терплю.

— Что с рукой? — это рычание приводит меня в чувства, шмыгаю носом, а Белый кивает головой на своего пленника: — Он?

Киваю. Стараюсь терпеть боль.

Вижу, как тот самый нож-бабочка мелькнул теперь уже в руке Федора. Резким и стремительным ударом Белый приколачивает ладонь моего обидчика к столику.

— Белый, сука! — ноет незнакомец. — Я шутканул! Решил с девкой твоей познакомиться поближе!

Распахнув глаза, смотрю, как из раны начинает вытекать струйка крови. Кровь везде. На белоснежной скатерти. На одежде бандита. На моем ноутбуке.

Пытаюсь подхватить компьютер со стола. Не выходит. Рука болит, трясется.

Федор наклоняется. Что-то говорит парню. Я не слышу слов.

Вокруг собирается толпа зевак. Давлю плач. Хочется закричать, спросить, где ж вы раньше были?!

Белый вынимает несколько купюр из кармана. Бросает на столик. Берет мои вещи, ноутбук, тянет меня к двери.

Я всхлипываю, оказавшись в машине.

— Нам нужно уехать, пока полицейские не появились, — шепчу я, морщась.

— Руку покажи, — требует он.

Понимаю, что не могу пошевелить пальцами. То ли от страха, то ли от боли.

Белый сам берет мою ладонь в свою большую и теплую.

Вижу, как он хмурится. Стараюсь не смотреть на собственные пальцы.

— Смещения нет, — сухо говорит Федор. А я вижу, как он злится.

На меня? За что? Я ведь даже не знаю того парня.

— Пустяки, — бормочу я.

— Пустяки, блядь! — эхом усмехается он, но его пальцы аккуратно держат мою ладонь.

Свободной рукой он перехватывает бутылку с водой. Я чувствую, как ледяное стекло соприкасается с кожей. Становится капельку легче.

Вижу, как Федор запускает двигатель и вбивает в навигатор «Травмпункт».

— Пустяки, блядь, — очень тихо, рыча, повторяет Белый, а я боюсь сказать хоть слово.

Сижу, придерживая холод у поврежденной ладони. Слезы уже не катятся. Потихоньку привыкаю к боли, что странно. Ведь я не умею ее терпеть.

Наверное, это все из-за Федора. Если буду рыдать, он будет злиться еще больше. Чувствую это интуитивно.

Смотрю, как свободной рукой Белый пытается вытряхнуть сигарету из пачки.

И опять прихватывает ее фильтром в обратную сторону.

Странный мужчина. Такой стаж курильщика, а курить так и не научился.

Мысль кажется смешной. Должно быть, это нервное.

Федю потряхивает. Он держится исключительно на мысли, что девочку нужно доставить к доктору.

Прямо на глазах тонкие косточки опухают и покрываются отеком.

Блядь, он достанет этого уебка, если у того не хватит мозга свалить из области. Из-под земли достанет.

— Вы мимо проезжали? — вопрос Надии отвлекает. Это хорошо. Нельзя Феде думать о том, какую часть тела он вырвет ушлепку за то, что потянул конечность к малышке. — Тот человек. Он назвал вас по имени. Вы знакомы?

Белый кивает. Здание травмы маячит уже за кованными воротами. Федя влетает прямо под шлагбаум, снося тот нахрен.

— Федор! — удивленно выдыхает девочка, но он уже не слышит.

Выходит из тачки, оббегает ее, распахивает дверь.

Надия смотрит на него, как на психа. Впрочем, он и есть псих.

Хватает девочку в охапку.

— Ноги-то у меня в порядке, — протестует она, Федя молчит. Позволяет ей идти ко входу в больницу.

Внутри, в приемных покоях, очереди нет. Жаль, что государственная клиника оказалась ближе всего. Нужно было Феде мчаться в частную. Ладно, потом и к частному врачу отвезет девочку. Пока пусть здесь посмотрят.

Медсестра записывает все данные Надии. Врач осматривает поврежденную ладонь.

— Как это произошло? — ровный, почти безразличный вопрос.

— Меня схватили за руку, — начинает рассказывать Надия.

Белый молчит. Скрестив руки на груди, удерживает любопытный взгляд доктора.

— Что вы! Нет! Федор меня спас, — с негромким немного нервным смешком возражает малышка, — я сидела в ресторане за столиком. Ждала подруг. Ко мне подсел незнакомец. И вот... Есть свидетели!

Федю слегка забавляет то, как девочка выгораживает его. Косвенно, но все же.

Он бы заржал, если бы злость не клокотала в горле.

— Сейчас мы отправим вашу подругу на рентген. Нужно пройти в кабинет номер двести два, — продолжает доктор.

Белый качает головой.

— С ней пойду, — роняет не терпящим возражения тоном.

Доктор с трудом соглашается, но кивает. Расторопная медсестра подхватывает бланк и спешит выпроводить пациента.

Белый придерживает девочку за талию, приобнимает, пока они идут через длинный коридор.

— Федор, я и сама могу. Наверняка, тут даже не перелом, — бормочет Надия.

Федя поджимает губы. Тянет орать матом и курить. Хочется вломить кулаком в стену, чтобы больно было ему, а не ей.

Он, что. Он стерпит. И не такое терпел. А ей больно. Он видит это по глазам. По тому, как осторожно она придерживает ладонь здоровой рукой. Как морщится и украдкой вздыхает.

— Результат отправлю доктору. Можете возвращаться в кабинет, — дежурным тоном оповестила рентгенолог.

Федя прищуривается. Не нравится ему, что их мотают по всему зданию.

— Такой у нас порядок, — будто почуяв опасность, извиняющимся тоном говорит врач.

Федя качает головой. Чувствует, как в центр грудиной клетки ложится хрупкая ладошка. И все внимание — на нее. И тепло под рубашкой. Не просто тепло, а горит.

— Все в порядке, если так нужно, — робко улыбается Надия.

Белый с трудом соображает. Его сносит с ног эта робкая улыбка. Крохотные ямочки на бледных щеках.

Он перехватывает ее ладошку. Ведет обратно в кабинет врача. Как-то внезапно собирается народ. Кто-то пытается возмутиться, мол, куда, вне очереди, но затыкается под злобным взглядом Белого.

Сейчас он в таком состоянии, когда спичкой чиркни — взорвется. Сам понимает, что на взводе.

Чувствует, как девочка тянет его за рукав. Послушно идет за ней. Да хоть в ад. Плевать.

— Поздравляю, у вас перелом пястной кости, — говорит доктор, рассматривая снимок на экране.

— Охуел с такими поздравлениями! — рычит Белый, моментально встав в стойку.

— Федя, пожалуйста, не надо! — качает головой девочка.

Взглядом выдирает из его нутра все самое светлое и темное одновременно. Белому хочется втащить травматологу с ноги. Но он не двигается. Смотрит в карие глаза.

— Лечи, — кивает он, намеренно садится так, что полы пиджака разъезжаются, и «ствол» четко виден из кобуры.

Федя видит, как медсестра тянется к телефону.

Белый лениво вынимает корочки. Да. Есть и такие. Как-никак, а в охране самого губера.

Медсестра кивает.

Спустя пятнадцать минут, на руке у Надии гипс, закрывающий три пальца. У Феди в кармане рецепт на обезболивающие и подробно описанный диагноз вместе со снимком.

Одну таблетку Надие выдают прямо в кабинете. По настоянию Белого.

Уже в машине Федор слегка «тормозит». Девочка притихла, сидит, смотрит прямо перед собой. Закутанная в гипс ладошка — на ее коленях.

— Я не хочу домой. Отец будет спрашивать, ругаться, расстроиться, — заговаривает Надия и поворачивается к Белому: — Я есть хочу.

Черт! У него такое чувство сейчас, что не объяснить. Щемит между ребрами. Не продохнуть. Даже моргнуть не получается, потому что она тянет его к себе.

Взглядом тянет. Улыбкой. Запахом своим обалденным.

На автомате Белый запускает движок. Вот бы так же легко отыскать кнопку, которая в ответе за башку Феди. Чтобы нажать и вернуть мозги на место.

С трудом водит пальцем по экрану навигатора. Неплохой ресторан рядом. В двух кварталах.

Надия удобнее устраивается в кресле. Прикрывает глаза. Федя на каждом светофоре жадно ловит взглядом черты девичьего лица.

Локоны растрепались. Хочет заправить из ха ушко. Не решается.

Если коснется, он пропал. А так, хоть какая-то видимость контроля.

Парковка перед заведением забита. Час-пик, вряд ли есть свободные места в приличном кабаке. Но Федя не собирается сдаваться, если малышка хочет поужинать, она поужинает.

Белый бросает ключи от тачки пацану-парковщику. Ведет малышку вверх по ступеням, придерживает перед ней дверь. Сам охреневает от своей галантности. Белый в жизни не водил девушек по ресторанам. Да ему, собственно, до такой малышки — как до звезд пешком.

— Извините, у нас все столики забронированы, — дежурно улыбается официант.

Федя молча сует пару купюр в руку мужику.

— Вот этот, вижу, свободен, — хмуро цедит, кивает в угол.

— Да. Вы правы, — расплывается в улыбке работник заведения.

Белому один хрен, чем питаться. Но голод просыпается зверский.

Малышка, слегка смущаясь, изучает меню. Делает заказ. С иностранными языками у Феди туго, но он моментально уплывает, слыша, как легко и красиво произносит Надия названия блюд. Черт, французский теперь у Белого самый любимый, стопудово.

— А вы, наверное, мясо предпочитаете, да, Федор Львович? — улыбается ему.

Тебя предпочитаю, родная.

У него сводит челюсть, с такой силой он сжимает зубы, чтобы не брякнуть этого вслух. Пытается отвлечь себя от ненужных мыслей и фантазий.

Официант сваливает. Федя вынимает пачку сигарет из кармана. Автоматом хлопает по пиджаку, в поисках зажигалки.

— Здесь места для некурящих, — негромко поясняет малышка, кося взор на табличку, возвращает глаза на Белого, улыбается еще шире.

Сигарета остается зажатой между губами. Твою ж мать! Он сейчас сожрет эту сигарету, раз курить нельзя, настолько сильно ему нужен никотин, или хоть капля чего-то горького.

Надия отвлекается на телефон. Что-то печатает одной рукой. Федя уже не таясь, рассматривает девочку.

Красивая. И совсем не боится его. А ведь раньше боялась. Он это видел, чувствовал.

Что же изменилось? Должна ведь бояться? Он все сделал для этого.

Что с тобой не так, малая?

Он молчит, сверлит красивенькое личико взглядом. Буравит. Сканирует. А девочка — только еще шире улыбается.

Спустя вечность, им несут заказ. Все, как и полагается. Феде приличный кусок мяса. Девочке что-то нежное и невесомое с хитрым французским названием.

— Если вам нужно покурить, вы ходите, — кивает малышка головой в сторону.

Никуда он не уйдет. Легче ему руку оторвать, чем выпроводить за пределы зала, где сейчас сидит девочка и смотрит на него карими волшебными глазами.

Белый принимается за стейк. С кровью. Все, как он любит. Впрочем, он жрал бы даже бумагу, только бы девчонка сидела рядом с ним.

— Ой... — шепчет Надия и смотрит за спину Белому.

Не нужно быть гением, чтобы угадать, кто там вырос в дверях ресторана.

Очень медленно Белый убирает приборы в сторону. Нож максимально подальше. Впрочем, этот маневр не спасет.

А дальше — все по долбанным канонам. Федю аккуратно укладывают мордой в стол.

Приходится поднять руки, показывая, что сопротивляться он не станет.

— Папа! Ты чего?! — возмущается малышка.

Федя кривится. Смотрит на нее.

Все в порядке, родная. Со мной так и надо.

Давно бы так. Глядишь, мозги б вернулись в строй.

— Ты мне поясни, Белый, какого ... рожна ты тут..., — рычит Варгинов ему в висок.

Крепкая рука намертво прижимает Федю. Он может выскользнуть. Пара движений и будет на свободе. И ствол с боевыми. Стреляет Белый без промаха.

Но ничего этого не нужно. Федя прикрывает веки, отпускает девочку.

— С рукой что?! — рычит отец Надии.

— Папа! Хватит произволом заниматься! — звонкий голос заставляет Белого усмехнуться, слов откуда таких набралась? — Федор Львович меня спас от хулигана. Отвез в больницу. Вот, у меня есть справка и рецепт! Даже снимок есть!

Малышка высказывается гневно, с запалом. Федя молчит.

— Это мы проверим, — подводит черту Мухтар под монологом дочери.

Федя усмехается. Его отпускают на волю. Человек Варгинова о чем-то негромко говорит Мухтару на ухо. Тот кивает. Федя невозмутимо поправляет пиджак. Не смотрит на притихшую девочку.

Потому что стоит взглянуть — и все станет ясно. Психанет. Забьет на все. Не отдаст.

А Белому этого не нужно. Вернее, нужно. Очень нужно. Но вот на кой хер сам он сдался малышке? Вопрос можно считать закрытым. Он чужой для нее.

Белый сам в этом городе, рядом с малышкой, явно лишний.

— Извини, Федя, слегка перегнул, — протягивает руку Варгинов.

Федя в ответ ее пожимает.

— Бывает. Замяли, — отстраненно говорит он.

— За мой счет ужин, — Мухтар говорит официанту и чуть мягче, добавляет, обращаясь к дочери: — Ну, поедем домой, егоза.

— Па..., — начинает говорить малышка, Белый бросает хмурый взгляд на нее, та осекается, — да, конечно.

Спустя пару минут, Белый видит через окно, как Мухтар помогает дочери сесть в машину.

Федя жадно ловит каждое движение. Жест. Поворот головы. Взгляд, направленный в окно. Тоже хочет увидеть его? Зря, не нужно этого. Не стоит.

Ему больно, физически, от того, что она сейчас там, по ту сторону стекла. А он сидит, заставляет себя не шевелиться.

Дышать становится невозможно.

Федя льет на голову стакан воды. Вытирает салфеткой. Плевать, как он выглядит сейчас.

— Твою ж мать! — выдыхает Белый.

Мухтар не дурак. Белый понимает это так же четко, как и то, что девочку спрячут.

От него.

Глава 4

— Мам, я не могу больше здесь торчать! — жалуясь на решение отца, выбрав удачный момент.

— Трещотку подай, — фыркает мама.

Смотрю на ящик с инструментами. Пожалуй, у нас самая нестандартна семья из всех, известных мне.

Папа руководит борделем. Мама покупает древние тачки, разбирает их, чинит, продает. Старшая сестра управляет небольшой сетью из четырех цветочных бутиков. Брат всерьез задумывается идти на службу в полицию после демобилизации из армии. А я учусь на бухгалтера.

Веселая семейка, иначе не сказать.

Но это совсем не плохо. Сейчас меня угнетает другое. Вот уже месяц я торчу в ссылке. Иначе не назвать то, что охрана отца привезла меня на нашу дачу.

Прежде я бы не возражала. Природу я очень люблю. Да и здесь куда просторнее, нежели в городской квартире.

Но это раньше, а сейчас меня дико тянет в город. А еще не было и дня, чтобы я не вспомнила о Белом.

Все-таки он странный. Молчаливый. Угрюмый. Пугающий.

Но взгляд у него такой, что голова кругом. И от каждого прикосновения — бабочки в животе и разряд тока по всему телу.

Я влюбилась?

Не знаю ответа. Может быть. Как определить, если я прежде не любила никого. Родные не в счет.

— Мам? Ну мне правда нужно в город, — вновь пытаюсь уговорить маму повлиять на отца.

— Зачем? — уточняет мама. — Гипс еще не сняли. Новый захотелось?

— Ну, мама! — вспыхиваю я. — Сколько раз говорить! Это все нелепая случайность. И она больше не повторится.

— Разумеется, — кивает мама, — теперь отец тебе без охраны и в носу поковырять не даст.

Мама права. Отец ни слова не высказался по поводу моего перелома, но я прекрасно все понимаю. Хорошо, если мне разрешат вернуться в университет после каникул. И ведь папа еще ничего не знает насчет Олега Петровича. Знал бы, прибил был.

Вздыхаю. Послушно передаю маме инструменты, которые она называет. Раньше, в детстве, мне все это нравилось. Я думала, что обязательно стану, как мама. Буду лихо гонять за рулем. Но жизнь — удивительная штука. Умеет подкинуть сюрпризы. И в итоге у меня не только нет тяги управлять машиной, более того, у меня даже прав нет.

Нет, азы вождения я знаю. Но на личный транспорт не претендую. Нет такого желания.

— Ну вот, почти все, — мама вытирает руки о тряпку, весело смотрит на меня, — прокатимся?

— Да, давай, — охотно соглашаюсь я.

Мама закрывает крышку капота. Я устраиваюсь на переднем пассажирском. Надеваю кепку, закрывая голову от солнца.

Новая игрушка мамы — кабриолет. И я не знаю, работает ли в этом раритете крыша.

Не уверена, что мама рискнет покататься по скоростному шоссе. Скорее всего, наша автопрогулка ограничится сельскими дорогами.

Ошибаюсь. Понимаю, что мама мчит нас в город. А я жалею, что не прихватила телефон. Хотя, чем бы он помог мне, если я даже номера Федора не знаю.

Да и захочет ли он со мной говорить? Папа ткнул его лицом в стол, после того, как Белый спас меня от неприятностей. Причем, дважды.

— Не кисни, малыш, — подмигивает мама, улыбаюсь в ответ.

Вскинув голову, смотрю на облака. Хочется раскинуть руки и лететь вперед. Могу ведь я сделать хоть какую-то глупость.

— Сейчас заскочим на заправку, — предлагает мама, согласно киваю.

Мама сворачивает с дороги. На заправке полно машин. И мы встаем в очередь.

Появляется странное ощущение, будто кто-то смотрит на нас с мамой.

Верчу головой. Должно быть, это кто-то из соседей по дачному поселку.

Но знакомых не вижу. Зато впереди замечаю черный внедорожник.

Елки, ну почему я не запомнила номер автомобиля Белого?!

Вдруг это действительно Федор?

И что тогда? Подойти к нему? Что сказать? Привет, как дела?

Бред. Ну что за бред у меня в голове!

Глубже натягиваю кепку.

Мама вынимает из кармана пару купюр, вручает их мне.

— Пусть зальют полный бак. Ну и попить чего-нибудь возьми, Надиюш, — просит мама.

Киваю. Выхожу из машины. До здания заправки всего несколько метров. Пересекаю их.

Прохожу меж рядов с напитками. Прихватываю две бутылки из холодильника. Встаю в очередь.

Прямо передо мной — чья-то широкая спина в обычной хлопчатой футболке.

Неуловимо знакомая спина. Но я считаю, что опять схожу с ума. Не может ведь Федор находиться сейчас здесь. И потом, я его ни разу не видела в футболках, кепках, шортах ниже колен.

Этот человек — однозначно не Белый.

Однако мощную шею и бритый затылок сложно спутать с другим, даже под яркой кепкой.

Мой голос дрожит, но я обязана произнести короткое и недоверчивое:

— Федя?

Я вижу, как крепкая спина вздрагивает. Замирает. Еще секунду назад мужчина слушал собеседника в телефоне. И вот уже стоит, будто статуя, неподвижно.

Очень медленно он оборачивается. А я... Мне сложно поднять глаза выше ворота футболки.

Стою, боясь поверить, что передо мной — Белый.

Боюсь поднять глаза и ошибиться.

Но сердце ухает в груди. Мчится. Стучит так, что, кажется, этот звук слышен даже на улице. Оно не дает промашек.

Крепко зажмуриваюсь. Чувствую, как что-то теплое касается моей щеки.

Распахиваю глаза. Понимаю, что мужские пальцы скользят по моему лицу.

Бережно и нежно. Не помню, чтобы ко мне настолько трепетно прикасались.

Тону в его черных омутах. Меня сносит диким взглядом. Родной, впечатанной в память ухмылкой. Теперь она не кажется мне надменной. И шрам радует глаз.

Да, это он. Федор Белый. Он!

Не сразу понимаю, что мы куда-то движемся. Он тянет меня за собой. А я не могу сделать вдоха. Не могу отвести глаз. Не могу связно думать. Просто смотрю в его глаза, обжигающие, горящие безумием.

— Полный. В обе тачки, — негромко бросает Федор, слышу шорох купюр.

— Стойте! Сюда нельзя! — возмущенный голос кассира.

Яркий свет помещения сменяется полумраком подсобки.

Я вскидываю ладонь, чтобы и самой убедиться в том, о чем кричит сердце.

Квадратный подбородок, немного колючий. Твердые губы. Обжигающее дыхание.

Жесткие пальцы с силой прижимают мою ладонь.

Белый делает глубокие вдохи, щекоча мою чувствительную кожу, словно ему не хватает кислорода. Неровное, горячее дыхание опалает, прожигает насквозь, до костей.

— Надия... — слышу сбивчивый шепот.

Улыбаюсь, будто у меня едет крыша. Подаюсь вперед. Лбом упираюсь в широкую грудную клетку, под которой громко стучит сердце.

Моя кепка улетает на пол. Плевать.

Вскидываю глаза, желая запомнить каждый миг. Каждую секунду.

Пусть я схожу с ума. Пусть!

Руки прочно обхватывают мужской торс. Чертов гипс мешает. Но я ничего не замечаю. Ухом прижимаюсь к теплой ткани футболки. И слушаю... слушаю... слушаю...

— Дай мне свой телефон, — он говорит, вжимаясь ртом в мои волосы на макушке.

Руки Федора стальным обручем обнимают меня. Сдавливают. Но мне не больно. Мне необходимо чувствовать его силу. Его присутствие рядом. Я хочу понимать, что не сплю.

Послушно диктую номер.

— Запомнил? — тихо, едва шевеля губами, спрашиваю я.

Он просто кивает.

Понимаю, что мне нужно бежать. Мама ждет. И если я не выйду сейчас, то силами мамы будут организованы поиски глобального масштаба.

Белый словно слышит мои мысли. На миг стискивает мои плечи до хруста. Жадный вдох.

Мужские руки разжимаются, выпуская меня и плена.

Мне становится холодно. На улице больше тридцати по Цельсию, а меня бьет озноб.

Безумие какое-то. Но оно заканчивается, стоит мне сделать шаг из подсобки.

Я выхожу из здания заправочной станции одна, в руке пакет с ледяной водой. Мама ждет меня, припарковав машину чуть в стороне от въезда.

На нетвердых ногах подхожу к кабриолету. Вижу, как мимо очень медленно проезжает черный внедорожник. Водитель не смотрит в нашу сторону. Но я замечаю, как напряжены мужские плечи, как рука крепко сжимает рулевое колесо.

— Надо же... — задумчиво говорит мама, а я вскидываю на нее взгляд.

Что ей сказать? Мама ведь должна понять.

— Белый? — продолжает мамочка, а я понимаю, что не могу скрыть эмоции.

Все написано на моем лице. Пытаюсь сдержать эмоции. Но глупая улыбка лезет на лицо.

Слышу громкий сигнал клаксона.

Распахнув глаза в удивлении, понимаю, что мама несколько раз очень настойчиво сигналил проехавшей мимо машине.

С ужасом наблюдаю за тем, как внедорожник тормозит. Дверь распахивается. Водитель легко выходит из салона.

— Сюзанна Эдуардовна, — кивает Федор в привычной ему манере, руки он убирает в карманы шорт. Но я вижу, как от напряжения вздуваются вены.

Понимаю, что прежде я видела Белого исключительно с длинными рукавами. В пиджаке, в рубашках. И мой взор прикипает к смуглым предплечьям, покрытым золотистыми волосками.

Трудом отрываю взгляд от мужских рук, скольжу выше, по широкой груди, шее, подбородку. Упираюсь в темные омуты.

Я жду, когда Белый посмотрит на меня. Если поздоровается, значит укажет на то, что мы не столкнулись там, внутри заправки.

Но Федор молчит. Смотрит на мою маму нечитаемым взглядом. Холодным. Подчеркнуто вежливым. Лишенным эмоции.

Начинаю думать, что страдаю галлюцинациями. Прямо сейчас, передо мной, стоит прежний Федор Львович, с которым у меня ничего общего. А тот Федя Белый, который неистово обнимал меня в темной подсобке, всего лишь плод моего воображения.

— Удивительное дело, Феденька, — задумчиво тянет мама, выходит из машины, упирается бедром в дверь. — А с дочкой моей не поздороваешься? Или виделись уже?

Ловлю его взгляд на себе. Задыхаюсь от того, насколько много в нем намешано всего. Его ледяная маска словно трескается, осыпается осколками к моим ногам. Меня топит этим огнем по самую макушку.

В почерневших глазах — жажда. Дикая потребность. Адское пекло.

— Садись в машину, дочка, — негромко говорит мама.

Понимаю, что наши взгляды сцепились. Он смотрит на меня. А я не могу вдохнуть. Он обещает. Требуется. Зовёт. Завораживает.

— И ты езжай, Федор Львович, — твердо командует мама.

Федя будто не сразу понимает, что именно говорит мама. Но потом я вижу, как Белый делает шаг назад. Еще один. И еще. Пока не врежется спиной в собственный джип.

Наблюдаю, как Федя слепо шарит ладонью в поисках дверной ручки. Кажется, мама негромко смеется. А мне сосем не до смеха.

Вскинув руку, цепляюсь пальцами за ворот рубашки. А через распахнутую дверь вижу в салоне внедорожника мою кепку и тот самый розовый рюкзак.

Улыбаюсь. Удивительный ты человек, Федор Белявский. Вещи мои хранишь.

— Чудной он, — говорит мама, садясь за руль, и без паузы уже мне: — Целовались там?

— Мам! Ты что! Нет, конечно! — искренне возмущаюсь я.

— И это вы еще даже не целовались, — сокрушенно качает головой мама и пытается повернуть ключ в замке зажигания.

Пока я обхожу кабриолет, мама вновь пытается запустить двигатель.

Я сажусь в кресло. Мама ругается в полголоса. От досады несильно бьет ладонью о руль.

— Черт! И инструменты все в гараже, — жалуется мама, вздыхает, — ну, зови своего рыцаря на белом коне. Вернее, Белого на черном джипе.

А я... Я взмахиваю рукой, надеясь, что Федя смотрит в зеркало заднего вида, ведь черный внедорожник едет очень медленно.

Спустя миг, автомобиль тормозит резко. Белый выходит из машины и широким шагом приближается к нам.

— Поломались, Сюзанна Эдуардовна? — вежливо интересуется спокойно и отстраненно. Ледяная и непроницаемая маска вновь прилипла к его лицу. Но меня это больше не задевает.

— Это ты у нас поломался, Белый. А меня стартер подвел. Трос есть? — говорит мама, посмеиваясь.

— Найдем, — уверенно кивает мужчина.

Я молчу. Стараюсь не вмешиваться. Удивляюсь, как вообще удается дышать.

Наблюдаю за тем, как Федор распахивает дверь багажника. Замечаю чехол для костюма и дорожную сумку.

Белый вынимает из недр багажника трос, ловко цепляет его сначала к кабриолету, потом к внедорожнику.

— Кепку где потеряла? — невзначай интересуется мама, взлохматив мои волосы. — Придется тебе, доча, ехать в тенечке джипа. Иначе схлопочешь солнечный удар. Заодно покажешь дорогу к нашей даче.

Я вижу, как хмурится Федор. Понимаю, что всего одно слово, и мама вернет меня в нашу машину, ведь кепка благополучно лежит в прохладном салоне автомобиля Белого. И ее видно.

Но я молчу. И мама делает вид, будто не замечает мои вещи через приветливо распахнутую дверь. И Федор молчит. Но для него это привычное состояние.

Глава 5

Белого хватает на месяц. И то, потому что Слава заваливает его работой по самые гланды. Но мотаться между городами Феде все равно приходится. И каждое возвращение сюда, как встряска.

Подсознательно Федя выискивает в толпе знакомое лицо. Не раз и не два проезжает мимо кафешки, где Косой переломал ладошку малышке. Наведывался даже в тот ресторан, где они с девочкой так и не поужинали.

— Федя, все в порядке? — этот вопрос, будто сговорившись, попеременно задают Славик и Полина Владиславовна.

Ответа у Белого нет. В порядке он, млять. В охуенном порядке.

В какой-то момент он срывается, мчит в деревню к матушке.

Родные края. Он здесь родился. Здесь дышится легче, вдали от суетного города.

Но на этот раз, не спасает. Не дышится. Не легче.

Прежде у Феде была мечта. Построить дом на берегу реки. Земля куплена, оформлена. Проект утвержден год назад. Бывает, пару дней в месяц Федя торчит на стройке сам. Физические нагрузки помогают разгрузить голову.

А в этот раз — все не то. Не тянет Федю махать молотком и забивать гвозди. И пейзаж совсем не тот. Тяготит все. Раздражает.

Федю неистово тянет в город. Утром он просыпается с мыслью, что надо ехать. Просто надо, и все. Логичного объяснения нет. И Белый садится в тачку и мчит.

Он задыхается от того, что ничего не может изменить. Не дадут ему найти девочку. И никакие предлоги не нужны. Просто не позволят и на метр ближе подойти.

Он и сам не дал бы, окажись на месте Мухтара.

Зачем такому ангелу, как малая, Федя Белый? Ответ один: нахрен он ей не упирался.

Но с резью меж ребрами бороться все сложнее. Белый физически чувствует, как со скрипом едет крыша. Поддыхает он.

Если разобраться, не было ведь ничего. Нет ничего. И не будет. Подумаешь, пару раз столкнулись. Не говорили ведь толком. Она к нему на «Вы». А он к ней — по имени отчеству, потому что ближе нельзя.

Внедорожник мчит по трассе, сворачивает на заправку. Самое время, чтобы залить в бак топлива, потому что после может и не оказаться свободного времени. Слава уже выдал пару распоряжений, надо выполнять.

Белый стоит в очереди. Слушает голосовые сообщения. Соображает, по какому делу помчит в первую очередь.

Ее голос ему чудится. Допрыгался, Белый. Поймал все ж глюк.

И далеко не сразу Федор понимает, что нужно обернуться.

Хорошо, что слева прилавок. Получается вцепиться пальцами в металлическую полку.

Черт, девочка, как ты здесь...?

Говорить не может. Все слова забываются. Только ее имя разливается сладостью во рту.

А сейчас она сидит в его машине. Как чумной, смотрит прямо перед собой. И ничерта не видит. Хорошо, на тачке вкруговую понатыкано датчиков. Федя хоть сможет понять, если появится угроза столкновения с попутными автомобилями.

На спидометре цифра не поднимается выше сорока. Федя и сам охреневает от такой скорости. Зато он выигрывает время наедине с девочкой.

Рука все же срывается. Ползет к острой коленке, на которой лежит тонкая ладошка.

Белый не дышит, когда длинные пальцы расправляются и с готовностью обхватывают его руку.

— Вы мне ведь позвоните, Федор Львович? — тихий вопрос отрывает Федю от бездумного разглядывания полупустой трассы.

Белый поворачивает голову. Сталкивается с карим взором волшебных глаз. Ловит немой укор и надежду.

Ждала? Его? Белого?

Он не верит в реальность. Кажется, что это его больная фантазия расшалилась.

Что видит малышка в его глазах? Что ты видишь во мне, родная?

Федя тянет хрупкую ладошку на себя. Жадно целует тыльную сторону.

Сладкий аромат дурманит, шибает прямо в голову. Эта девочка — не его наказание. Она — его наркотик. И вряд ли Белый когда-нибудь «слезет» с него.

Надия подсказывает, куда ехать, где свернуть, какой поворот не пропустить.

Федя молча слушает ее голос. А руку не выпускает. Потому что знает, он сдохнет без этих хрупких пальчиков. Он держится за них, как за соломинку. И тонет. Уже утонул.

Мозгом Белый понимает, что Варгинов не обрадуется внезапному появлению Феда на собственной территории. И даже то, что Белый помогает Сюзанне Эдуардовне, не прокатит. По большому счету, Федя мог бы вызвать эвакуатор. Да Варгинова и сама могла это сделать. Но нет, Белый буксирует кабриолет мамы Надии до самого дома.

Охранник пропускает их за ворота, на частную территорию. Белый усмехается, понимая, что мужик уже докладывает начальству о появлении гостей.

Федя помогает девочке выйти из машины. Все-таки джип у Белого громадный, а Надия — невысокого роста.

С жадностью Белый впитывает то единственное касание хрупкой ладони к самому центру груди. Девочка держится за него, пока он ставит ее на землю.

Не отпускает рук. Больше положенного держит. Не позволяя лишнего, но и не отстраняться.

Запрокинув голову, малышка смотрит на него. Тень от кепки падает на ее лицо. А взгляд горит, изучает его, будто рентгеном просвечивает.

Что ты видишь в моих глазах, родная? Видишь, как тону? Как подышаю?

Второе, более запретное и непозволительное прикосновение.

Федя просто проводит костяшками пальцев по румяной щеке. Мимолетно. Но касание обжигает.

И шелковую прядь заправляет за ушко.

Тянет наплевать на все. Посадить девочку в салон и свалить отсюда к чертям. Белый знает, что вполне реально повернуть такой фокус.

А дальше что? Пойдет она за ним и в огонь, и в воду? Она же учится. Профессию получает. У нее свой мир. Друзья-подруги. Семья.

А Белый что?

У нее все впереди. Вся жизнь. А у него... У Белого нет прав на нее. Нельзя ему с ней.

Все, Федя. Подержал за ручку. Вдохнул. Воскрес. Отпускай. Не дыши.

Белый трясет головой, точно дворовой пес. Позади, за спиной, слышны мужские голоса. Среди них — громче всех Мухтар Варгинов.

Федя усмехается. Видит, как тонкие пальцы комкают футболку на его груди.

Но пальцы нужно разжать.

— Беги в дом, — глухо говорит Белый и отступает.

Ладони горят от касаний. От ощущения шелка волос. От теплого дыхания ноет каждая мышца.

— Папа, ну так же нельзя! — резко выкрикивает Надия, пытается выйти вперед, а Федя снимает кепку с лысой башки.

— Все в порядке, — кивает он, не сводя с нее жадных глаз, повторяет: — Беги.

Хочет добавить «родная», но вовремя осекается.

— Заходи в дом, раз приехал, Федя, — цепляет взглядом Варгинов.

За спиной Мухтара Белый видит пару братков. Впрочем, Федя не стал бы усугублять конфликт. Да и сам он персона вполне видная.

Отказываться от приглашения нельзя. Потому Белый идет вслед за отцом Надии, убрал руки в карманы.

Вообще, нелепо он себя сейчас чувствует в «свободной» форме. Пиджак и галстук добавляют Белому солидности. А тут как-то все наперекосяк.

Федю провожают до двери. Просторная гостиная на первом этаже. У Варгиновых небольшой особняк, но уютный. Видно, что семья живет дружно. На стенах и на полках фотографии в рамках.

Белый успеваает выхватить взглядом два снимка с темноволосой малышкой в ярком платье в горох. Понимает, что узнает в этом ребенке Надию. Очков нет на остреньком носике, значит, зрение у малышки испортилось уже позже.

Эти мысли помогают Феде собраться. Разговор будет сложным. Или простым, как угол дома.

Феде указывают на диван. Но он остается на ногах. Так гораздо надежнее, и потом, через окно, ведущее в сад, Белому все видно.

Там в центре, стоит беседка. Сюзанна Эдуардовна накрывает на стол, ей помогают Алина и Надия. Между ними бегают четырехлетняя внучка Мухтара.

В саду появляются новые лица. Федор узнает сына Мухтара — Шамиля. А рядом с пацаном какой-то сморчок. Федя прежде не видел этого гостя.

— Давай, Федор Львович, начистоту, — в лоб говорит Варгинов, протягивая ему наполовину заполненный бокал.

Белый берет стакан в руку, не пьет, ждет разговора.

— Мне очень не нравится, как разворачивается ситуация, Белый, — продолжает Мухтар Маратович, — моя младшая дочь неискушенная. Она не бегала на свидания. Не встречалась с пацанами в школе. Интересуется только учебой. Мы с Сюзанной хотим счастья нашим детям. Безопасности. Стабильности.

Варгинов замолкает. И Федор не многословен. Он вновь смотрит в окно.

Там, в саду, суеты больше нет. Алина играет с дочерью. Сюзанна Эдуардовна о чем-то говорит с сыном. А Надия, скрестив руки на груди, слушает сморчка.

Белый видит, что пацан красуется перед малышкой. Лыбится. Пытается коснуться пряди волос, упавших на плечо. Но малышка уходит от контакта. Поправляет очки. Вновь слушает, кивает, что-то сама говорит.

— Видишь пацана? — заговаривает Мухтар Маратович, — Напросился на обед через Шаму. Недавно мы с его отцом столкнулись по интересам. Говорит, сватать хотят мою младшую дочь.

Белый понимает, к чему идет разговор. Положительный мальчик для идеальной девочки — шикарный ведь расклад.

— Чего молчишь, Федя? — угрюмо усмехается Варгинов.

— А что вы хотите услышать, Мухтар Маратович? — глухо уточняет Белый. С трудом отворачивается от окна. Тупо смотрит в свой стакан. — Не пара я ей? Знаю. Старый для нее? Знаю. Битый, стреляный, резанный? В курсе. По малолетке срок мотал? Тоже про меня. На работе может всплыть производственная травма в виде пулевого в башку? Запросто.

Белый резко и залпом выпивает терпкую жидкость до дна. Со стуком ставит стакан на стол.

— Чего ты хочешь, Белый? Бабла? Сумму назови, — прищуривается Мухтар. — А от дочки отвали. Она же девчонка совсем. Уши развесила. Романтику кругом видит. Сопливая

малолетка и взрослый дядя, это ведь сюжет лавстори. Свали, Федя, как мужика прошу. Она переберется и обратит внимание на сверстников. У нее вся жизнь впереди.

Белый сжимает кулак до хруста. Кажется, в ушах звенит, грохочет.

Федя не может дышать. Взгляд ласкает на расстоянии хрупкую фигурку в рубашке и коротких шортах.

Белый видит, как налетевший ветер вскидывает прядки волос. Швыряет их в лицо девочке.

Федя знает, что сейчас, эти секунды — последние. Так близко Белый никогда не подойдет. К ней. К той, которой он дышит.

— Дай мне слово, Белый. Слово мужика, — продолжает говорить Варгинов.

Федя молчит. Душу рвет звериный вой.

Кровоточит за ребрами. Разрывает изнутри. А снаружи Белый — лед.

Сейчас. Еще секунду. Он соберет себя по кускам. Потому что так надо. Иначе нельзя.

В груди ноет. Кожа, где касалась ладонь малышки, горит, оставляет клеймо. Невидимое, но оно никогда не исчезнет.

Кулаки разжимаются. Очень медленно Федор отворачивается от той, без которой сдохнет. Но это ведь все потом. Потом — можно.

А сейчас двигай, Белый, ногами. Подальше и побыстрее, пока силы не закончились.

Не глядя на собеседника, Федя пожимает крепкую руку Варгинова. Он дает слово, которое крепче законов и всех бумаг.

Выходит из дома Мухтара. Трос с его тачки уже отцепили и вернули в багажник.

Федя влетает за руль. Непослушные пальцы жмут на кнопку. Движок тихо урчит. А у Белого в голове — микровзрыв. И пелена перед глазами. И пульс зашкаливает.

Но Белый едет ровно. Выруливает на трассу. С каждым преодоленным метром в груди у Феде растет дыра. Черная и гадкая.

— Привыкай, Белый, — усмехается он своему отражению.

Там же, в зеркале, Федя видит розовый рюкзак и кепку. Это *ее* вещи.

Резко тормозит. Покрышки жалобно верещат. Но Феде плевать, даже если бы в багажник врубилась сейчас целая вереница тачек. Похрен.

Протягивает руку. Цепляет кепку. Прижимает к лицу.

Вот так ты пахнешь, родная, красивая, не моя?

Федя не может сидеть долго так, посреди трассы. Жмет на газ. Иначе — вернется. А возвращаться нельзя.

Белому сейчас плевать на все. Даже не те важные дела, что поручает ему Слава.

Вынув телефон из кармана, Федя набирает номер друга.

— Я все, Слава. Сливаюсь, — глухо говорит Белый.

— Вот сейчас не понял, — удивляется Барновский.

— Мне надо свалить, Слава, — громче рубит он. — Совсем свалить.

— Федя, завязывай давай, — возмущается Слава. — Нужен еще отпуск, да без проблем.

Отгуляешь и возвращайся.

— Нет, Слава, — качает головой. — Прости, подвел.

— Федь, да какой «подвел»! — возмущается друг. — Мы же столько лет, бок о бок.

— Все, Славик, — продолжает Белый, — Полине Владиславовне привет и низкий поклон.

— Сам передашь, — возражает губернатор.

— Нет, Вратислав Павлович, не скоро свидимся, — качает головой Белый и прерывает связь прежде, чем Слава задает вопросы.

Полный бак в тачке — единственная хорошая новость за чертов день. И Белый жмет педаль газа в пол. До упора.

Когда за Федором закрывается дверь, в гостиную входит Сюзанна Эдуардовна. Ее муж, Мухтар Маратович, задумчиво смотрит в окно. Туда же, куда минуту назад смотрел Белый.

Мухтар гордится своими дочерями и сыном. Он отец. И ему лучше знать, что именно нужно для счастья детям.

— Не боишься, что Надия тебя проклянет? — усмехается Сюзанна.

Варгинов молчит. Двигает рукой, заставляет кубики льда биться о стенки стакана.

Жаркое лето выдалось. От жары все сходят с ума.

— И зачем ты это сделал, Мухтар Маратович?

— Так надо.

— Ты же видел, как Белый смотрит на нашу девочку, — с укором говорит Сюзанна.

— Потому и говорю — так надо, — упрямо повторяет Варгинов и смотрит на жену: — Что у нас на обед?

— Сердца нашей дочери и одного влюбленного в нее мальчика, — ехидно говорит Варгинова, скрестив руки. И Мухтар понимает: скандала перед сном, в стенах спальни, не избежать.

— Белый у нас что ли мальчик? — усмехается он.

— А ты не таким был? Вспомни себя, Мухтар, двадцать пять лет назад! — фыркает Сюзанна и, хлопнув дверью, выходит из комнаты.

Спустя полчаса, парни докладывают Варгинову о том, что тачка Белого пересекла границу района и уверенно движется по магистрали.

— Ну, давай, Федя, — бормочет Мухтар, — докажи, что я в тебе не ошибся.

Глава 6

Не разговариваю с отцом неделю, две, три, месяц. Перебираюсь в однокомнатную квартиру, которую получается снять на те деньги, что скопились на карте. С того дня, как я учусь в вузе, моя стипендия спокойно падает на мой счет. Теперь эти деньги мне очень нужны. Именно эти, а не те, что дает папа.

Мама упрямо пытается затащить меня в гости. Но мне не о чем говорить с отцом.

Я нахожу подработку. Помогаю сестре в бутике. Продаю цветы, потихоньку разбираюсь в бухгалтерии небольшого бизнеса Алины.

К концу лета у меня уже есть небольшой запас, чтобы оплатить аренду квартиры на несколько месяцев вперед.

Оказывается, жить одной сложно. Но я справляюсь. Потому что еще сложнее — жить в неведении. Где сейчас Федя? Что с ним? Здоров ли? Почему не звонит? Он ведь обещал? Забыл номер?

Все, что мне удастся узнать: Белый ушел с поста и теперь не работает на Вратислава Павловича. Совсем недавно Поля шепнула по секрету, что Федор им звонил.

Им — звонил. А мне нет?

Злюсь на него. Ненавижу. Умираю.

Листаю снимки со свадьбы Полины.

В моем телефоне есть всего две важные фотографии. На одной — Федя стоит вполоборота и курит. Он не видит, что попадает в кадр. И здесь он привычно собран, сосредоточен, пугает ухмылкой и цепким взглядом черно-синих глаз.

На втором снимке фотограф умудряется подловить Белого совсем с иного ракурса. Мне хочется верить, что именно тогда Федя смотрел на меня. Могу ведь я пометать? Так легче справиться с тоской.

Начинаются занятия. Удивительно, но Олега Петровича больше нет среди педагогического состава. Никто не знает причины его увольнения. А я могу лишь догадываться.

Октябрь вступает в свои права. Учеба становится моей отдушиной и спасением. Тем, что невозможно у меня отнять.

От университета до моего нового жилья несколько минут пешком. И каждый день я прогуливаюсь после пар, игнорируя приглашения девочек с потока посидеть, отвлечься, потанцевать в клубе. Мне ничего не нужно из этого. Громкую музыку я ненавижу. Ненавижу людей. Лживые улыбки. Громкие слова. Всех ненавижу.

За октябрём неизбежно наступает ноябрь. И я уже начинаю думать, что Белого я придумала. Нет его. Не существует. Только почему так ноет сердце?

Да и пусть ноет. Это всего лишь орган. Мышца. Разве она может испытать тоску, печаль? Разве мышца может страдать?

Сегодня опять льет дождь. Барабанит по стеклам. По карнизу.

Смотрю на эти капли. Пытаюсь стереть х рукой, но они по ту сторону окна.

— Я пирог принесла, — говорит мама, приближаясь ко мне.

Я вожу пальцем по стеклу. Рисую буквы. Сами собой они складываются в одно единственное имя. Это имя ранит меня. Все еще ранит. И я не знаю, как быть с этим. Совсем не знаю.

— Спасибо, мам, — шепчу я, взмахивая рукой, стираю написанное ладонью. — Я не голодна. Потом поем.

— Когда? Через месяц? — фыркает мама, обнимает меня за плечи. — Ты очень похудела, девочка моя. Одежда висит, как на швабре. Хочешь, купим новые вещички?

— Оверсайз нынче в моде, ма, — возражаю я.

Вчера Полинка притащила полный пакет новых шмоток. Мне ничего не нужно. Но отказать подруге я не смогла. Пришлось брать. А пакет так и лежит в шкафу, не разобранный.

Я теряю себя. Я это чувствую. Время словно течет сквозь пальцы. Минута за минутой. Мне кажется, что эта пытка будет длиться вечность. Но больше всего мне страшно от того, что я все выдумала. Это для меня Федя Белый — любимый мужчина, без которого не живу.

А для него? Кто я для него? Кто? Если он вдруг испарился, точно и не было его никогда.

Почему он исчез? Из-за разговора с моим отцом? Из-за меня? Или у него есть личные проблемы? Полина не говорила, чтобы у Славы с Федором были недопонимания. Белый просто испарился. И не звонит мне. Хотя, номер он запомнил.

— А хочешь, уедем куда-нибудь? Отдохнем, развеемся, — с энтузиазмом предлагает мама, — нет, ну правда! Мы ведь не были нигде в этом году.

— Не хочу, мам, — качаю головой.

Во мне все еще тлеет уголек надежды. Вдруг Федор вернется, а меня нет в городе? Но этот уголек заливают дождь. И я принимаю решение.

— А, хотя, да, — киваю я вдруг, — сессию закрою дистанционно. Но только, мам, я одна поеду. Хорошо?

— Отцу не понравится, — осторожно говорит мама.

— А мне не понравилось кое-что другое, — усмехаюсь я, намекая на бесцеремонное вмешательство папы в мои отношения с Белым.

— И куда ты хочешь поехать? На острова? На море? В горы? — перечисляет мама, а я отрицательно качаю головой.

Подхожу к ноутбуку. Включаю его. Жду, когда загрузится браузер.

У меня нет определенной точки. Нет цели. Есть только желание оказаться в другом месте. Не в этом городе.

В поисковую строку ввожу фразу: «День города».

Поворачиваю экран так, чтобы увидела мама.

— Ну вот, сюда и поеду, — улыбаюсь я.

Неизвестный мне городок на побережье. Не курорт. Самая настоящая провинция. Но завтра именно там проходят празднования со дня основания. Более того, если верить путеводителю, будет еще и фестиваль калача. Любопытное мероприятие. Уже хочу туда.

Мама улавливает мой сарказм. Но не спорит.

Онлайн заказываю билеты. Только поездом, самолетов в том направлении нет.

Это даже хорошо. Будет время насладиться поездкой. Иных планов у меня нет.

В объемный рюкзак запихиваю немного вещей, теплую куртку беру с собой. Мама попутно впихивает в карман еще и перчатки. Свежий, еще теплый пирог так же оказывается в недрах моего багажа.

Зарядка от телефона, паспорт, наличные и карточка. Вроде бы, ничего не забыла. Ах, да, ноутбук еще. Без него сложно сдать сессию.

Мама настаивает проводить меня. На перроне крепко обнимаю ее за плечи. Целую в щеку.

— Мне это очень нужно, мам, — говорю я, улыбаясь, обещаю: — Я буду звонить.

— Каждый день! — выдвигает условие мама. — Иначе подадим в розыск.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Мама кивает. Взмахивает на прощание рукой. Шлю ей воздушный поцелуй и захожу в вагон.

Ночной поезд уносит меня за сотню километров от города, в котором я родилась, выросла, влюбилась. В котором я устала плакать и ждать.

— Федя! Ужин стынет!

Голос матери настаивает Белого на веранде. Работы в доме полно. Но крыша, стены, полы — все готово. Строители заканчивают с баней, гаражом и беседкой.

Высокие ворота и забор закрывают особняк со стороны дороги. А по периметру высажены молодые деревца.

Ну вот, Федя, дом построил, дерево посадил. Дальше что?

Белый трет шею. Устал за день, как собака. И это отлично. Возможно, ночью выспится. А не будет маяться без сна.

Матушка накрывает на стол. Федя моет руки. Замечает, что мать слишком часто выглядывает в окно.

Белый хмурится.

— Не надо, мам, — говорит он, занимая свое место.

— Феденька, а я что? Негоже мужику в твоём возрасте бобылем ходить! — вздыхаем мать. — Вся деревня косо смотрит. Такой дом отгрохал, а жены нет. Для кого тогда?

— Для себя! — срывается он и встает.

Аппетит пропадает. Есть не хочется. Нихрена не охота. Выть хочется, рычать. Кричать. Этого хоть отбавляй.

В окно Федя видит, как через калитку входит женщина. Он знает ее. Продавщица из местного «супер-пупер-маркета».

— Дверь захлопни! — мотает Белый головой и уходит вглубь дома.

Нет, он не выгоняет мать на улицу. У нее свой дом. Прекрасный, с новым ремонтом и ухоженным участком. Просто конкретно здесь никто не нужен Феде.

Вернее, нужна та, которая недоступна для него. Недосыгаема, как луна, звезды, как все планеты солнечной системы.

Белый устало оседает в кресло. В ноги упирается комок шерсти на четырех мелких лапах. Федя усмехается.

— Что-то ты ни хрена не растешь, — сетует Федя, глядя на щенка.

По всем документам — кавказец. Но пока что это просто комок шерсти. А Белому нужен огромный и жуткий пес, чтобы никто не лез в его дом и в жизнь без спроса.

Щенок толкается Белому мордой в ладонь. Кабель все еще бродит без имени. Федя пока не знает, как назвать питомца. Поэтому он просто Пес. А когда ссытся в Федин башмак, тогда «Сукапёс».

— Девушка, ну что ж вы не выходите? — тормозит меня за плечо проводница. — Ваша остановка.

Сонно моргаю. Удивительно, но размеренный стук колес укачивает меня, позволяет провалиться в чуткий сон.

Я вскакиваю с сиденья. В окна колотит проливной дождь и перрона совсем не видно.

Торопливо собираю свои вещи, стараюсь ничего не забыть.

Из вагона я выскакиваю, когда поезд уже начинает трогаться. Проводница недовольно закрывает дверь. И я остаюсь одна.

Странно. Ведь я планировала попасть в небольшой городок, а оказываюсь на безлюдном вокзале.

Сверяюсь с данными в билете. Нет, все верно. Населенный пункт, время прибытия.

Но что-то все равно не сходится.

Решительно ухожу с перрона, пересекаю небольшой холл и останавливаюсь перед окошком с надписью «Касса».

Закрывается, и даже света нет. Вообще создается впечатление, что в этом здании нет ни души.

— Выход там! — слышу сонный голос за спиной. — Чего застыла?

Оборачиваюсь. На меня смотрит старичок в мятой форме то ли дворника, то ли охранника.

Вежливо уточняю, где можно поймать такси.

— Чего? Тут отродясь такого не было, — смеется дедушка.

Я торопливо лезу в карман за телефоном.

— Ну как же..., — возражаю я, — Вот, смотрите! Завтра, ой, то есть уже сегодня, будут отмечать день города.

Я поворачиваю телефон экраном к сторожу. Старик рассматривает картинку. Смеется. Хлопает себя по карманам. Вынимает сигареты и спички.

— Ага, — кивает он, — это вам в областной центр надо. Там есть такой город. А у нас тут деревня. Называемся мы так же. Путают, бывает.

— И что теперь...? — ошарашенно слушаю старика. — Когда обратный поезд?

— Так скоро, — улыбается старик. — Через день.

— Через день? — эхом повторяю я.

— Но быстрее будет на автобусе, — сообщает незнакомец. — Только тебе надо на остановку, ближе к трассе. Там много рейсов. К нам не заходят междугородние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.